

ПОИСКИ ОБРАЗА

Известный артист-купаловец Борис Платонов как-то запоздал на утренник в Литературный музей Янки Купалы. «Ушел из театра и начал бояться выступлений», — подумал я. Из практики знаю, что бывает и такое. Но Борис Викторович объяснял свой несвоевременный приход занятостью в Государственной экзаменационной комиссии в Белорусском театральном художественном институте.

Утренник шел полным ходом. Сначала выступил старейший белорусский композитор Евгений Карлович Тикоцкий.

Я наклонился и шепнул Платонову:

— Видите, как живо говорит Карлык.

— Попробую и я так.

Однако у меня сомнение еще не прошло.

Он у меня спрашивает:

— Что за аудитория у вас сегодня?

— Руководители кружков художественной самодеятельности.

А сам как ведущий перехожу на разговор с внимательными слушателями и все посматриваю незаметно на Бориса Викторовича. Вижу, что и он не спускает с меня глаз, будто хочет сказать: «Не волнуйся, все будет хорошо». И как только я дал ему слово, начал не просто говорить, а сразу играть свой текст:

— Прошу прощения, что я сегодня выступаю не в своей роли. Мне бы надо было показать, как я играю Быковского, а я должен вам рассказать, как создавался образ. Это труднее. Не будем отбирать хлеб у исследователей. — И острый взгляд бросает в мою сторону. — А актеры — практики. Мы играем роль. И нам работы хватает.

— И все же надо рассказать, как вы создавали образ. Раскрыть секреты своего искусства.

— Если бы мы его знали.

В зале послышался шумок и кое-где такой добродушный смехок, который, наверное, означал: «Шутит Платонов».

— Ну, что же, если надо, то ничего не поде-

лаешь. Начну издаleка. Для того чтобы создать образ, надо много знать: о произведении, об образе и о самом авторе. Спросите, для чего? Для того, чтобы представить себе, в каких условиях, когда и при каких обстоятельствах писалось то или иное произведение. Скажу по правде вам, что прежде чем сыграть роль шляхтича Быковского в комедии «Павлинка», видел я этот спектакль не раз и знал самого Янку Купалу.

С Иваном Доминиковичем я неоднократно встречался в нашем театре, здоровался, ну, перебрисшись парой слов. Но ближе с ним познакомился у него дома. Это было, кажется, где-то в конце тридцатых годов. Дом полон писателей. Всех даже и не перечислишь. Одним словом, цвет нашей литературы — Якуб Колас, Петрусь Бровка, Петро Глебка, Максим Танк, Пилип Пестрак, Кузьма Чорный, Кондрат Крапива, Змитрок Бядуля. И все они чувствовали себя свободно, как у себя в квартире. Мы, шутя, надели белые переднички, что-то положили на голову и вживались уже в образ официантов, будто-находясь на сцене. Угощали и развлекали гостей, создавали атмосферу веселья. На то мы и актеры. Неужели мы зря присутствовали в купаловском доме? И я понял тогда: он все делает просто. Пишет, дружит, общается с людьми.

А мне ведь надо играть так называемого отрицательного персонажа — шляхтича Быковского. И из этой встречи о драматургической среде купаловского произведения я почти ничего не узнал. Только понял, что надо играть просто, без мудрствований. И это не плохо. Зато в следующий раз меня выручила одна деталь.

Как-то мне пришлось побывать в деревне Барковщина под Минском. Как обычно, летом мы ездили на дачу. И оказывается, что в своей жизни я встречал шляхтича. Он летом ходил в калошах, жилете и с зонтиком. Это был забавный человек и чем-то напоминая чеховского

Беликова — человека в фуляре. Я понял, что шляхтич из Барковщины — это реликвия, своеобразная модель, но художественная, с которой можно делать роль.

Значит, писатель, как и актер, не выдумывает образов, а наблюдает их в жизни, а потом, уже в обобщенном плане, разрабатывает, шлифует и переносит на сцену. Я понял, что Быковский полон противоречий: он внешне напыщенный, а внутренне пустой. Значит, кроме авторского текста, я имею еще «накопленный жизненный материал». И текст учил не только свой, но и партнеров. Это получилось как-то органично, в процессе репетиций. Тогда я смог разыгрывать так с собой всю пьесу. Это для того, чтобы фантазия имела творческую нагрузку. Купала как-то сказал, что к тексту он ничего не может добавить, там все сказано, читайте внимательно.

Если материал для творчества есть, его надо отобрать, тогда только начинаешь уже лепить образ. Голый текст, случайные наблюдения нужно «очеловечить», перевоплотить в сценический образ, в который бы поверил режиссер, а потом и публика, самый строгий судья актера, ибо ради нее он живет и трудится. Не совсем легко создавать образ и тут же анализировать, как и что делается. Даже тяжело дать себе ответ: почему трактуюсь так, а не иначе. Так он сплавлялся в воображении, и таким я его вижу в жизни и на сцене.

Труднее было читать по радио чудесную купаловскую поэму «Курган». В спектакле режиссер, актеры, художник, композитор — все тебе могут подсказать, что-то ты сам придумаешь, и дело все же пойдет легче. Куда сложнее оставаться с текстом один на один. Здесь, правда, тоже режиссер есть. Но это уже другое дело. Текст поэта сильнее нас, исполнителей. И мы должны сыграть так, чтобы слушатель наших творческих мук не почувствовал. Чтобы прочитать одну поэму-легенду «Курган» по радио, я познакомился со всей купаловской

поэзией. И увидел, что она едина. Мысли, высказанные в «Кургане», характерны для всего его творчества.

Так мы трудимся.

Думаю, что объяснений не надо. Кто хочет научиться творить, тот поймет, что надо делать.

Алесь ЕСАКОВ.

НА СНИМКЕ: сцена из спектакля театра имени Я. Купалы «ПАУЛІНКА». Павлинка — народная артистка БССР Р. КОШЕЛЬНИКОВА, Быковский — народный артист СССР Б. ПЛАТОНОВ.